

ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

г. СПЕНСЕР¹

Соч. Т. I. Ч. II. СПб., 1898.

ЧАСТЬ II

ИНДУКЦИИ СОЦИОЛОГИИ

Глава I. ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВО?

§ 212. Вот вопрос, который должен быть поставлен и разрешен с самого же начала. Пока мы не решили, смотреть ли на общество как на некоторое особое бытие (entities) или нет; пока мы не решили, должно ли это бытие, если оно будет признано таковым, считаться сходным с каким-либо другим бытием (entities) или же оно должно считаться безусловно отличным от всех других, наше представление о предмете этого сочинения будет оставаться крайне неопределенным.

Можно было бы сказать, что общество есть лишь собирательное имя для обозначения известного числа индивидов. Перенося спор между номинализмом и реализмом в другую область, номиналист мог бы утверждать, что, подобно тому, как существуют только отдельные члены известного вида (species), самый же вид, взятый независимо от них, не имеет действительного существования, так точно существуют одни только общественные единицы, то есть люди, существование же самого общества есть лишь чисто словесное. Сославшись на пример аудитории, собирающейся на чтения какого-либо профессора и представляющей собой такой агрегат, который своим исчезновением по окончании каждого чтения показывает, что он не есть некоторый действительно существующий предмет, но лишь известная группировка личностей, он мог бы доказывать, что то же самое имеет место и по отношению к гражданам, составляющим собою всякий данный народ.

Но, не оспаривая остальных звеньев его аргументации, мы имеем полное право отвергать состоятельность последнего ее звена. Ибо та группировка, которая оказывается в первом случае лишь временной,

¹ Английский философ и социолог XIX века.

имеет во втором случае постоянный характер; а мы знаем, что индивидуальность целого, в отличие от индивидуальностей его составных частей, заключается именно в постоянстве отношений между этими частями. Всякая цельная масса, разбившись на куски, перестает быть особым индивидуальным предметом, и наоборот, камни, кирпичи, куски дерева и т. п., не имевшие вначале ничего общего между собою, будучи связаны друг с другом известным образом, становятся особым индивидуальным предметом, называемым домом.

Таким образом, мы имеем полное право смотреть на общество как на особое бытие (entity), ибо хотя оно и слагается из отдельных (discrete) единиц, однако же постоянное сохранение, в течение целых поколений и даже веков, известного общего сходства в группировке этих единиц, в пределах занимаемой каждым обществом местности, указывает на известную конкретность составляемого ими агрегата. И эта-то именно черта и доставляет нам нашу идею об обществе. Ибо мы не даем этого имени тем переменчивым скоплениям, которые образуют первобытные люди, но прилагаем его только там, где оседлая жизнь привела уже к некоторому постоянству в распределении внутри общества составляющих его частей.

§ 213. Но, решившись смотреть на общество как на особенный индивидуальный предмет, мы должны спросить себя теперь, что же это за предмет. При внешнем рассмотрении оно кажется не имеющим никакого сходства ни с одним из объектов, известных нам через посредство наших чувств. Если оно и может иметь какое-либо сходство с другими объектами, то сходство это не может быть усмотрено простым восприятием, но может быть открыто только путем рассуждения. Коль скоро общество становится особым индивидуальным бытием (entity), в силу постоянства отношений между его составными частями, то у нас сейчас же является вопрос, не представляют ли эти постоянные отношения между его частями каких-нибудь сходств с постоянными отношениями между частями, замечаемыми нами в каких-либо других бытиях (entities)? Единственное мыслимое сходство между обществом и чем-либо другим может заключаться в *параллелизме принципа, управляющего расположением составных частей*.

Существуют два больших класса агрегатов, с которыми мы можем сравнивать общественный агрегат: класс агрегатов неорганических и

класс агрегатов органических. Спросим же себя теперь: представляют ли отличительные свойства общества, рассматриваемого особо от его живых единиц, какие-нибудь сходства со свойствами неживого тела, или же они сходны в каких-либо отношениях со свойствами живого тела, или же, наконец, они совершенно не сходны ни с теми, ни с другими?

Достаточно только поставить первый из этих вопросов, чтобы немедленно же ответить на него отрицательно. Целое, состоящее из живых частей, не может сходствовать по своим общим отличиям с безжизненными целыми. Второй вопрос, не допускающий столь быстрого ответа, должен быть разрешен в положительном смысле. И следующая глава будет посвящена именно изложению тех оснований, которые позволяют нам утверждать, что постоянные отношения между частями общества аналогичны постоянным отношениям между частями живого существа.

Глава II. ОБЩЕСТВО ЕСТЬ ОРГАНИЗМ

§ 214. Когда мы говорим, что явление роста одинаково свойственно как общественным, так и органическим агрегатам, то мы этим не исключаем всякую общность между этими агрегатами, с одной стороны, и агрегатами неорганическими, с другой, так как некоторые из последних, как например кристаллы, обнаруживают заметный рост, и так как все они, на основании гипотезы развития (эволюции), должны были возникнуть в то или другое время путем интеграции. Тем не менее, сравнивая живые существа и общества с так называемыми неодушевленными предметами, мы видим, что первые обнаруживают постепенное увеличение в своей массе в столь резко заметной степени, что мы по справедливости можем считать это обстоятельство за отличительный признак, характеризующий собою эти два разряда агрегатов. Многие организмы растут в продолжение всей своей жизни, и все остальные растут в продолжение весьма значительной ее части. Что касается общественного роста, то он обыкновенно продолжается до того времени, когда общество распадется на два или несколько других или когда оно будет поглощено каким-либо другим обществом.

Итак, вот первая черта, в силу которой общества сходствуют с органическим миром и существенно отличаются от мира неорганического.

§ 215. Другая отличительная черта как обществ, так и живых существ, заключается в том, что рядом с увеличением в размерах у них наблюдается и увеличение сложности строения. Низшее животное или зародыш высшего обладают лишь немногими отличимыми друг от друга частями, но с увеличением общей массы тела число таких частей увеличивается, и в то же время эти части дифференцируются одна от другой. То же самое справедливо и по отношению к обществу. Вначале несходства между различными группами составляющих его единиц очень незначительны и по числу, и по степени, но, с возрастанием народонаселения в данном обществе, общественные разделения и подразделения становятся более многочисленными и более резкими. Кроме того, как в общественном, так и в индивидуальном организме дальнейшие дифференциации прекращаются только с завершением типа, характеризующим собою зрелый возраст и предшествующим упадку.

Хотя и в неорганических агрегатах, например в целой солнечной системе, равно как и в каждом из ее членов, интеграции также сопровождаются структурными дифференциациями, но здесь эти последние относительно медленны и относительно просты, а потому могут быть оставлены без внимания. Напротив, в политических агрегатах и живых существах умножение не сходных между собой частей так велико, что оно по справедливости может считаться вторым существенным признаком сходства между ними, отличающим их от неорганических предметов.

§ 216. Это сходство выступит с еще большей силою, когда мы обратим внимание на тот факт, что прогресс в структурной дифференциации сопровождается в обоих случаях прогрессивной дифференциацией отправления.

Все увеличивающиеся по числу отделы первого, второго, третьего и др. порядков, на которые распадается общая масса тела развивающегося животного, становятся все более и более несходными между собою вовсе не понапрасну: разнообразие их наружных форм и внутреннего сложения влечет за собою и разнообразие тех действий, которые они выполняют: они вырастают в несходные органы, имеющие несходные отправления. Пищеварительная система,

принимая на себя вместе с ее структурными особенностями сполна всю функцию всасывания питательных веществ, распадается постепенно на отдельные, отличные друг от друга системы, каждая из которых выполняет свою специальную функцию, составляющую часть общей функции всего пищеварительного канала. Каждый отдельный член, служащий для перемещения или для схватывания, претерпевает известные разделения и подразделения, причем получившиеся таким образом части выполняют каждая свою главную или вспомогательную роль в общей функции всего члена. То же самое справедливо и по отношению к тем частям, на которые распадается общество. Возникающий в нем господствующий класс не только становится отличным от всех остальных классов, но и берет на себя контроль над их действиями; когда же этот класс распадается далее на подклассы, обладающие одни большей, другие меньшей степенью господства, то эти последние опять-таки начинают выполнять каждый совершенно особенную часть общего контроля. В классах, подчиненных такому контролю, наблюдается то же самое. Различные группы, на которые они распадаются, выполняют различные занятия, причем в пределах каждой из таких групп наблюдается опять-таки распадение на части, конечно, менее резко различающиеся между собою, чем главные группы, но, тем не менее, отправляющие пропорционально отличные обязанности.

С этой стороны два сравниваемых нами класса предметов отличаются еще более ясным образом от предметов других классов; ибо все те структурные различия, которые медленно возникают в неорганических агрегатах, никогда не сопровождаются чем-либо таким, что мы могли бы по справедливости назвать различиями в отправлении.

§ 217. Но почему же несходные действия несходных частей в политическом агрегате и в живом существе рассматриваются как настоящие отправления, между тем как мы не можем смотреть таким образом на несходные действия несходных частей, наблюдаемые нами в неорганическом агрегате? Чтобы понять это как следует, надо обратиться к дальнейшей и еще более ясной черте сходства между политическими агрегатами и живыми существами.

И у тех, и у других развитие вызывает не просто различия, но различия, определенно связанные друг с другом, то есть такие различия, из которых каждое делает возможными остальные. Различные части неорганического агрегата находятся в таких отношениях друг к другу,

что одна из них может быть изменена в очень значительной степени без заметного действия на остальные. Но в органических и политических агрегатах отношение между частями совсем иное. В каждом из них изменения в различных частях взаимно определяют друг друга, и измененные действия этих частей также находятся в тесной взаимной зависимости. В обоих случаях эта взаимозависимость (*mutuality*) возрастает вместе с прогрессом развития. У низших типов животного царства все тело есть желудок, все тело есть дыхательная поверхность, все тело есть орган движения, хватания и перемещения. Развитие такого тела, у которого имеются особые придатки для перемещения с места на место и для схватывания пищи, может иметь место лишь в том случае, когда эти придатки, утратившие способность к непосредственному поглощению пищевых веществ из окружающей среды, будут в достаточной мере снабжаемы пищей теми частями, которые удержали способность к ее поглощению. Развитие дыхательной поверхности, служащей для снабжения воздухом циркулирующих в теле соков, может произойти лишь при том условии, чтобы неизбежная при этом утрата ею способности добывать себе материалы для восстановления потерь и для роста была вознаграждена развитием аппаратов, приносящих эти материалы. То же самое имеет место и в обществе. То, что мы совершенно правильно называем общественной *организацией*, представляет те же необходимые условия. В зачаточном обществе каждый член его есть одновременно воин, охотник, домостроитель, изготовитель всех необходимых орудий и проч., то есть здесь каждая часть удовлетворяет сама всем своим нуждам. Переход к общественному состоянию, характеризующемуся существованием постоянной армии, может совершиться только с развитием в обществе таких приспособлений, в силу которых остальные его члены будут снабжать армию пищей, одеждой и боевыми снарядами. Если мы видим, что одна часть населения занимается исключительно земледелием, другая горным делом и т. д., что одни производят товары, а другие распределяют их, то мы видим также, что все это возможно лишь при одном условии, а именно, чтобы каждая часть, в обмен за специальную услугу, оказываемую ею всем другим частям, получала, в свою очередь, от всех них соответственные доли их специальных услуг. Разделение труда, впервые указанное экономистами как общественное явление и вслед за тем признанное биологами за явление органической

жизни и названное ими «физиологическим разделением труда», есть именно та особенность как в обществе, так и в животном, которая делает каждое из них живым целым. Едва ли я могу с достаточной силой настаивать на той истине, что по отношению к этой основной черте общественный организм и индивидуальный совершенно сходны друг с другом. Когда мы видим, что у млекопитающих прекращение деятельности легких быстро влечет за собою остановку биения сердца, что с абсолютным прекращением деятельности желудка и все остальные части мало-помалу перестают действовать, что паралич членов ведет к смерти всего тела, вследствие неспособности добывать пищу и избегать опасностей, что потеря даже таких маленьких органов, как глаза, лишает остальные такой услуги, которая весьма существенна для их сохранения, мы не можем не признать, что взаимная зависимость между всеми частями организма составляет его существенную отличительную особенность. Точно так же, когда мы видим, что и в обществе рабочие по железу должны прекратить свою деятельность, коль скоро рудокопы перестают снабжать их нужными материалами, что портные не могут продолжать свое дело при отсутствии прядильщиков и ткачей, что мануфактурные округа должны приостановить свои работы, коль скоро классы людей, занимающиеся производством и распределением пищи, прекратят свою деятельность, что контролирующая власть — правительство, присутственные места, суды, полиция — перестают быть способными поддерживать порядок, коль скоро содержимые ими в порядке части перестают снабжать их всех необходимым для жизни, мы обязаны признать, что и в обществе взаимная зависимость между всеми его частями столь же строга, как и в организме. Как ни отличны эти два класса агрегатов в других отношениях, но по отношению к этой основной черте и ко всему, что необходимо вытекает из нее, они вполне сходны друг с другом.

§ 218. Чтобы видеть еще яснее, каким образом жизнь целого слагается из комбинации деятельностей его составных частей, находящихся в тесной взаимной зависимости, и каким образом отсюда вытекает несомненный параллелизм между национальной жизнью и жизнью индивидуальной, следует обратить внимание на тот факт, что жизнь каждого видимого организма слагается из жизней крошечных единиц, слишком мелких для того, чтобы быть видимыми невооруженным глазом.

Неопровержимое доказательство этого факта может быть почерпнуто нами из рассмотрения странного порядка *Mухомycetes*. Споры или зародыши одной из этих грибковых форм превращаются в реснитчатых монад, которые в продолжение некоторого времени обнаруживают очень деятельное движение по всем направлениям; по истечении же этого периода изменяются в форме и становятся похожими на амёб; в этой новой форме они опять-таки медленно движутся туда и сюда, принимают пищу, растут и размножаются путем деления. Затем эти амёбообразные индивиды сползаются вместе, сливаются в группы, а эти последние опять-таки сливаются между собою, составляя таким образом студенистую массу, иной раз едва видимую простым глазом, иной же раз достигающую величины ладони. Этот *plasmodium*, имеющий неправильную форму и представляющий в большинстве случаев сетчатую внешность, при студенистом внутреннем строении сам обнаруживает движения то в той, то в другой своей части, делающие его похожим на громадную корненожку (*rhizopodes*): он медленно ползает по поверхности гниющих веществ, а иной раз взбирается даже вверх по стеблям растений. Итак, мы имеем здесь осязательный пример союза множества мелких живых индивидов для образования нового, сравнительно большого агрегата, в котором они, по-видимому, утрачивают свою прежнюю индивидуальность, но жизнь которого, однако же, ясно слагается из комбинации их жизней.

В других случаях на место единиц, первоначально совершенно раздельных и лишь впоследствии теряющих свою индивидуальность путем агрегации, мы имеем такие единицы, которые, явившись на свет путем размножения одного и того же зародыша, не различаются одна от другой, но, тем не менее, обнаруживают вполне ясно каждая свою особенную жизнь. Роговые фибры живой губки всегда одеты студенистым веществом, которое, как показывает микроскопическое исследование, состоит из монад, одаренных движением. Рассматривая губку как целое, мы не можем отказать ей в жизни, ибо она обнаруживает многие деятельности, свойственные только агрегату с определившейся индивидуальностью. Те из ее амёбообразных единиц, которые находятся на наружной ее поверхности, теряют отчасти свои индивидуальности, сливаясь в род охранительного слоя или кожи; ее волокнистый скелет, служащий для поддержания ее внешней формы, производится совокупной деятельностью составляющих ее монад;

точно так же их совокупная деятельность обуславливает те потоки воды, которые вбираются в нее через мелкие отверстия и выталкиваются через крупные. Но хотя все это указывает на несомненное существование у губки слабой агрегативной жизни, однако же отдельные жизни мириад составляющих ее единиц очень мало подчинены этой агрегативной жизни: все эти единицы представляют как бы народ, у которого имеются только слабые следы начинающегося разделения функций. Или, говоря словами профессора Гёксли, «губка представляет род подводного города, обитатели которого стоят вдоль его улиц и переулков таким образом, что каждый из них легко может вылавливать себе пищу из протекающей мимо него воды». Опять, у полипа *Myriothela* из отряда *гидр* от стенок пищевого канала в его полость постоянно вытягиваются ножкообразные отростки, д-р Аллен рассматривает их как отростки клеточек, составляющих стенки этого канала, которые захватывают пищевое вещество подобно тому, как это бывает у *амеб*. То же самое можем видеть у некоторых планарий (*Planaria*), червей из отряда коловраток (*Turbellaria*).

Даже у высших животных сохраняются следы такого отношения между агрегативной жизнью и жизнями отдельных частей, составляющих данный агрегат. Кровь представляет жидкость, в которой наряду с питательными веществами обращается бесчисленное множество живых единиц, так называемых кровяных телец (или шариков). Каждое из этих кровяных телец имеет свою собственную историю жизни. На первой ступени своего развития каждое из них (известное в этот период жизни под именем белого кровяного тельца) обладает способностью к выполнению независимых движений, сходных с движениями *амеб*, «его можно кормить каким-либо окрашивающим веществом (например кармином), зернышки которого потом видны внутри его»; «а в некоторых случаях наблюдалось, что белые кровяные тельца пожирали своих, более мелких, красных товарищей». Впрочем, присутствие такой индивидуальной жизни может быть доказано не для одних только тех единиц, которые свободно плавают в жидкости, позволяющей легко усмотреть внешние проявления этой жизни. Многие слизистые поверхности, например внутренняя поверхность дыхательных путей, одеты так называемым ресничным эпителием, то есть слоем мелких клеточек, тесно прижатых друг к другу и обладающих каждая на своей свободной оконечности

несколькими ресничками, находящимися в непрерывном движении. Качания этих ресничек существенно сходны с такими же качаниями ресничек у монад, живущих в многочисленных проходах, проникающих во всех направлениях обыкновенную губку, и как в губке совокупная деятельность этих реснитчатых монад гонит поток воды в известном направлении, так и здесь совокупная деятельность реснитчатых эпителиальных клеток гонит в известном направлении покрывающее их слизистое выделение. Если бы мы пожелали иметь еще более доказательств в пользу индивидуальной жизни каждой из этих эпителиальных клеток, то могли бы найти такое доказательство в факте, что, будучи отделены одна от другой и положены в надлежащую жидкость, они «начинают двигаться туда и сюда, со значительной быстротой, с помощью непрерывных качаний тех ресничек, которыми они снабжены, и продолжают такое движение довольно значительное время».

Видя таким образом, что обыкновенный живой организм может быть рассматриваем как народ, состоящий из отдельных единиц, живущих каждая своей индивидуальной жизнью, причем некоторые из них обладают даже весьма значительной степенью независимости, мы легче поймем, что народ, составленный из человеческих существ, может быть вполне справедливо рассматриваем как организм.

§ 219. Отношение между жизнями единиц и жизнью всего агрегата представляет еще одну отличительную черту, общую для обоих рассматриваемых нами случаев. Жизнь агрегата может быть разрушена вследствие какой-нибудь катастрофы, без непосредственного разрушения жизней всех составляющих его единиц; и наоборот, если никакая катастрофа не сократит насильственно жизни агрегата, то эта жизнь, по своей продолжительности, далеко оставляет за собою отдельные жизни его единиц.

У холоднокровных животных реснитчатые клеточки продолжают выполнять свои движения с совершенной правильностью еще долго после того, как животное, часть которого они составляют, представляет недвижимый труп, мышечные волокна еще долго сохраняют свою способность к сокращению под влиянием возбуждений, клеточки выделительных органов продолжают изливать свои продукты, если только им будет доставляться искусственным образом потребное для этого количество крови, и даже составные

части целого органа — каково сердце — продолжают свою совокупную деятельность в течение многих часов после того, как оно будет вырезано из тела животного. Подобным же образом промышленные деятельности, правительственные координации и т. п., составляющие собою коллективную жизнь народа, могут быть остановлены насильственным образом, например, вследствие вторжения варваров, без непосредственной остановки деятельности всех составляющих этот народ единиц. Некоторые классы этих единиц, в особенности же широко распространенные классы, занимающиеся производством пищи, могут еще долго прожить в более отдаленных округах и продолжать свои индивидуальные занятия.

И, с другой стороны, каждый из мелких живых элементов, составляющих собою взрослое животное, зарождается, развивается, играет свою роль в общей экономии тела, затем умирает, разрушается и заменяется другим, между тем животное как целое продолжает существовать. В нижнем (глубоком) слое кожи идет постоянное образование новых клеточек путем деления; по мере своего вырастания клеточки эти выдвигаются кнаружи, сплющиваются, превращаются в наружный эпителий и, наконец, отшелушиваются и опадают, уступая свои места лежащим ниже, более молодым клеткам. Клетки печени, разрастаясь от поглощения веществ, из которых они отделяют желчь, под конец умирают и освобожденные ими места занимаются другим поколением клеток. Даже кость, кажущаяся такой плотной и такой инертной, проникнута повсюду кровеносными сосудами, приносящими материал для замещения состарившихся составных частей новыми. И такое замещение, в иных тканях — быстрое, в других — медленное, совершается в таких размерах, что в продолжение существования всего тела все части его разрушаются и производятся сызнова по многу раз. То же самое и в такой же мере имеет место и по отношению к обществу и его единицам. Все общество и каждый из его больших отделов продолжают сохранять из года в год свою целость, несмотря на смерть входящих в их состав отдельных граждан. Обширная фабрика, находящаяся в каком-нибудь мануфактурном городе и состоящая из живых общественных единиц, людей, продолжает производить известный продукт, удовлетворяющий известной национальной потребности, и продолжает оставаться по истечении целого века той же обширной фабрикой, несмотря на то, что и хозяева, и рабочие, составлявшие ее

сто лет тому назад, давным-давно исчезли с лица земли. То же самое имеет место даже по отношению к еще менее важным частностям промышленного устройства. Известная фирма, ведущая свое начало от прошедших поколений, продолжает вести свои дела под именем своего первого основателя, все ее члены и служащие переменялись поодиночке, быть может, уже много раз, но сама фирма продолжает занимать свое прежнее положение в промышленном мире и поддерживать прежнее отношения к покупателям и продавцам. То же самое находим мы повсюду. Правительственные учреждения как общего, так и местного характера, духовные корпорации, армия, всевозможные другие учреждения, вплоть до гильдий, цехов, клубов, человеколюбивых обществ и прочее, обнаруживают весьма значительную продолжительность жизни, далеко превосходящую продолжительность жизней составляющих их личностей. Но этого мало. Нетрудно видеть, что в силу того же самого закона существование общества как целого значительно превосходит по своей продолжительности существование некоторых из этих составных его частей. Частные союзы, местные общественные учреждения, второстепенные национальные учреждения, целые города, посвященные известной специальной промышленности, могут исчезать, между тем как сама нация, постоянно сохраняя свою целость, будет увеличиваться в размерах и сложности своего общественного устройства.

В обоих случаях мы видим также, что взаимно зависимые отправления различных отделов слагаются каждое из деятельности множества единиц и что умирание этих единиц одна за другой и замещение их новыми не влияет чувствительным образом на то отправление, в котором они принимали участие. Каждый саркозный элемент мышцы изнашивается в свою очередь, удаляется прочь и замещается новым; но остальные ее элементы продолжают свои совокупные сокращения по-прежнему; точно так же удаление какого-нибудь общественного деятеля или смерть какого-нибудь торговца нарушает лишь весьма малозаметным образом деятельность того учреждения или дела того промышленного предприятия, в котором он принимал участие.

Вследствие этого, в социальном организме, как и в индивидуальном, является жизнь целого, совершенно отличная от жизнью отдельных единиц, хотя и слагающаяся из этих последних.

§ 220. От этих сходств между социальным и индивидуальным организмом мы должны обратиться к рассмотрению тех крайних несходств, которые существуют между ними. Все части животного образуют одно конкретное целое, но части, составляющие общество, образуют такое целое, которое должно считаться раздельным (*discrete*), а не конкретным (*concrete*). Живые единицы, составляющие собою животное, тесно связаны между собою и находятся в непосредственном или почти непосредственном соприкосновении друг с другом, тогда как живые единицы, составляющие собою общество, свободны, не находятся в тесном соприкосновении, но рассеяны более или менее далеко друг от друга. Каким же образом можно толковать после этого о каком-либо параллелизме между обществом и организмом?

Хотя это различие имеет основной характер и, по-видимому, устраняет всякую возможность сравнения, внимательное исследование доказывает, что оно менее важно, чем это может казаться с первого взгляда. Позже я покажу, что даже при полном допущении этого различия оно ничуть не противоречит принятию указанной аналогии, но теперь мы посмотрим, каким образом всякий желающий мог бы доказать, что даже и в этом отношении здесь существует более сходства, чем может показаться с первого, поверхностного взгляда.

Человек, пожелавший доказать это, мог бы утверждать, что физически непрерывное тело животного не состоит повсюду из живых единиц, но что оно составлено в значительной мере из обособившихся частей, которые были образованы вначале жизнедеятельными частями, но позже сделались полуживыми или даже стали вовсе безжизненными. Взяв для примера протоплазматический слой, лежащий под кожей, он мог бы сказать, что этот слой состоит действительно из живых единиц, но что образующиеся в нем клетки, переходя в эпителиальные чешуйки, превращаются в инертный охранительный аппарат, затем, указав на нечувствительные ногти, волосы, рога и зубы, образующиеся из этого слоя, он мог бы прибавить, что, хотя все эти образования и суть составные части организма, однако же они едва ли могут быть названы его *живыми* частями. Следуя далее тем же путем, он мог бы сказать, что и во всех других частях организма существуют такие

протоплазматические слои, из которых вырастают ткани, слагающиеся в различные органы, что эти слои одни только остаются вполне живыми, между тем как развивающиеся из них аппараты теряют свою жизненность пропорционально степени своей специализации, в подтверждение чего он мог бы указать на хрящи, связки (сухожилия) и соединительную ткань, которые обнаруживают весьма заметным образом низкую степень присущей им жизненности. Из всего этого он мог бы вывести заключение, что хотя тело животного представляет непрерывное целое, однако его существенные единицы, рассматриваемые сами по себе, образуют такое непрерывное целое только там, где мы находим протоплазматические слои.

За этим следовали бы факты, доказывающие, что социальный организм при правильном взгляде на него представляется гораздо менее прерывистым или раздельным, чем это может показаться сначала. Он мог бы утверждать, что подобно тому, как мы включаем в индивидуальный организм рядом с вполне живыми его частями также и менее живые и даже вовсе безжизненные его части, имеющие свою долю участия в полной деятельности всего целого, так точно мы должны включать и в общественный организм не одни только наиболее жизненные его единицы — человеческие существа, которые определяют в главной мере наблюдаемые в нем явления, но также и различные роды домашних животных, которые, стоя ниже на лестнице жизни, оказывают тем не менее человеку свое содействие, под его непрерывным контролем, равно как и еще более низко стоящие организмы — растения, которые, размножаясь под влиянием и при содействии человека, доставляют материалы для животной и человеческой деятельности. В защиту такого взгляда он мог бы указать на то, в какой мере эти низшие классы организмов, сосуществующие с людьми в составе обществ, влияют на склад и деятельность общества в различных случаях; до какой степени различные особенности пастушеского типа зависят от рода воспитываемых животных и в какой мере в оседлых обществах растения, доставляющие пищу, материалы для пряжи и тканья и пр., определяют собою те или другие особенности общественного склада, те или другие формы различных общественных деятельностей. Показав все это, он мог бы сказать: так как физические и душевные особенности человеческих единиц, равно как и их повседневные действия, складываются в известной мере под влиянием этих

животных и растений, которые, живя при помощи людей и, в свою очередь, помогая жить людям, проникают так глубоко в общественную жизнь, что составляют даже предмет попечений законодательства, то эти низшие живые существа не могут быть по справедливости исключены из представления об общественном организме. Резюмируя все сказанное, он мог бы вывести такое заключение: если включить в состав общества наряду с человеческими существами и остальные, менее жизнедеятельные его единицы, то есть животных и растения, населяющие занимаемую обществом поверхность, то получится такой агрегат, в котором непрерывность между частями будет приближаться гораздо более к тому, что мы видим в индивидуальном организме, чем это можно было бы подумать с первого взгляда. Кроме того, в этом случае общество будет сходствовать с организмом еще с той стороны, что оно также окажется составленным из местных агрегатов в высшей степени жизненных единиц, заключенных в обширном агрегате единиц, представляющих различные, более низкие, степени жизненности; причем эти низшие единицы производятся, в известном смысле, высшими единицами, видоизменяются ими и получают под их влиянием то или другое расположение в пространстве и времени.

Впрочем, даже и не разделяя этого взгляда, но допуская вполне, что раздельность (*discreteness*) общественного организма стоит в резком противоречии с цельностью (*concreteness*) организма индивидуального, мы все-таки имеем возможность легко устранить сделанное выше возражение.

§ 221. Хотя в индивидуальном организме непрерывная связь между частями составляет необходимое предварительное условие для той взаимной кооперации частей, посредством которой выполняется его жизнь, и хотя члены социального организма, не образуя конкретного целого, не могут достигать такой взаимной кооперации путем физических влияний, передаваемых непосредственно от одной части к другой, однако и они могут достигать и действительно достигают такой кооперации, только иным путем. Хотя они и не находятся во взаимном соприкосновении, тем не менее влияют друг на друга через промежуточные пространства при помощи языка чувств и языка ума, словесного и письменного. Для выполнения взаимозависимых действий необходимо, чтобы побудительные импульсы, приспособленные друг к другу со стороны качества, количества и времени, могли передаваться от одной части к другой. В живом

существо это требование выполняется при помощи особых молекулярных волн, которые у низших типов неопределенно разливаются по всем направлениям, а у высших — передаются по совершенно определенным каналам, функция которых получила знаменательное название посреднической (*internuncial*). В обществах это требование выполняется при помощи знаков, символически выражающих чувства и мысли и передающихся от одной личности к другой, сначала весьма неопределенным образом и лишь на коротких расстояниях, а потом более определенно и на более значительных расстояниях. Другими словами, посредническая функция, недостижимая здесь путем физической передачи стимулов, выполняется тем не менее с помощью языка.

Таким образом, и здесь устанавливается та взаимная зависимость частей, которая составляет организацию. И хотя социальный организм не конкретен, а разделен, но это обстоятельство делает его тем не менее настоящим живым целым.

§ 222. Только что рассмотренное нами возражение и данный на него ответ приводят нас косвенным путем к другому контрасту между обществом и организмом — контрасту, имеющему очень знаменательный смысл и влияющему основным образом на нашу идею относительно той цели, к осуществлению которой должна стремиться общественная жизнь.

Хотя раздельность социального организма не препятствует разделению отделений и взаимной зависимости частей, однако она не позволяет подобной дифференциации дойти до такого предела, чтобы одна часть сделалась органом чувства и мысли, а остальные части, взамен того, утратили совершенно всякую чувствительность. Высшие животные, к какому бы классу они ни принадлежали, отличаются от низших сравнительной сложностью нервной системы и сравнительным совершенством ее интеграции. В то время как у низших типов их мелкие, рассеянные нервные узелки существуют, можно сказать, только для блага других аппаратов, концентрированные узлы высших типов представляют, наоборот, такие аппараты, для блага которых существуют все остальные. Хотя развитая нервная система управляет действиями всего тела таким образом, чтобы сохранить его целостность, однако конечной целью всех этих действий служит благосостояние самой нервной системы, так как вред, нанесенный какому-нибудь органу, получает свою важность только вследствие

того, что он причиняет нервной системе непосредственным или отдаленным образом известное страдание или лишает ее известного удовольствия. Но раздельность общества отрицает возможность проведения в нем дифференциаций до этой крайней степени. В индивидуальном организме большая часть его мелких живых единиц локализована постоянным образом; большинство их зачинается, вырастает, действует, размножается и умирает на том же самом месте, а потому все эти прочно локализованные единицы, в течение бесконечного ряда поколений, так сказать, пригоняются каждая к своей функции, так что некоторые из них становятся особенно чувствительными, а другие совсем бесчувственными. Но в социальном организме мы видим иное. Его составные единицы, не находясь в непосредственном соприкосновении и будучи удерживаемы в своих относительных положениях с меньшей строгостью, не могут дифференцироваться в такой мере, чтобы одни из них стали совсем бесчувственными, а другие монополизировали себе всякое чувство. В действительности и тут существуют слабые следы такой дифференциации. Человеческие существа несходны между собою по отношению к количеству ощущения и чувства, вызываемых в них одинаковыми причинами: в одних из них замечается значительная нечувствительность, в других — значительная восприимчивость. Единицы, занимающиеся ручным трудом и ведущие суровую жизнь, вообще менее чувствительны, чем единицы, работающие головой и лучше обеспеченные в своей жизни. Но хотя регулятивные (правительственные) аппараты социального организма действительно стремятся, подобно регулятивным аппаратам индивидуального организма, сделаться исключительными центрами чувствования, однако это стремление постоянно сдерживается отсутствием здесь той физической связи, которая ведет к постоянству отправления; оно сдерживается также и тем обстоятельством, что даже единицы, занимающиеся ручным трудом, постоянно нуждаются в чувствовании для должного выполнения своих функций.

Итак, вот в чем состоит основное различие между этими двумя родами организмов. В одном сознание сконцентрировано в одной небольшой части агрегата. В другом сознание разлито по всему агрегату: все его единицы способны чувствовать наслаждение и страдание, если и не в равной степени, то приблизительно одинаково. Следовательно, тут не существует ничего похожего на какое-либо

«средоточие общественного чувства» (Social Sensorium), а потому благосостояние агрегата, рассматриваемое независимо от благосостояния составляющих его единиц, никогда не может считаться целью общественных стремлений. Общество существует для блага своих членов, а не члены его существуют для блага общества. Следует всегда помнить, что как бы ни были велики усилия, направленные к благосостоянию политического агрегата, все притязания этого политического агрегата сами по себе суть ничто, и что они становятся чем-нибудь лишь в той мере, в какой воплощают в себе притязания составляющих этот агрегат единиц.

§ 223. Высказав это последнее соображение, которое должно считаться скорее отклонением от предыдущей аргументации, чем ее продолжением, вернемся теперь назад и перечислим вкратце те различные доводы, которые принуждают нас смотреть на общество как на организм.

Общество обнаруживает явление постоянного роста; по мере его возрастания части его, становясь не сходными друг с другом, обнаруживают увеличение сложности строения; в то же самое время эти несходные части принимают на себя выполнение несходных деятельностей; эти деятельности не только различны между собою, но еще эти различия находятся в таких отношениях друг к другу, что одни они делают возможным существование других; являющаяся таким образом взаимная помощь вызывает взаимную зависимость всех частей общества; и эти взаимозависимые части, живя при помощи друг друга и друг для друга, образуют агрегат, построенный на том же самом общем начале, как и индивидуальный организм. Аналогия между обществом и организмом становится еще яснее, когда мы узнаем, что каждый организм сколько-нибудь заметного объема есть общество; а также, когда мы узнаем далее, что в обоих случаях жизни единиц продолжают еще в течение некоторого времени после того, когда жизнь агрегата будет неожиданно остановлена, и что в обоих случаях жизнь агрегата, не будучи остановлена путем насилия, далеко превосходит по своей продолжительности жизни его единиц. Хотя один из сравниваемых нами агрегатов конкретен, а другой разделен (descrete), и хотя это обстоятельство влечет за собою различие в тех целях, которые достигаются организацией в каждом из этих двух случаев, однако оно не влечет за собою различия со стороны законов организации, которые одинаковы для обоих случаев, ибо необходимое

условие каждой организации, а именно возможность для всех частей организма взаимно влиять друг на друга, существует и в обществе, хотя оно выполняется здесь не прямым, а косвенным путем.

Рассмотрев таким образом в самых общих формах те доводы, которые заставляют нас смотреть на общество как на организм, мы можем считать себя достаточно подготовленными к тому, чтобы проследить это сравнение в его подробностях.

Глава III. ОБЩЕСТВЕННЫЙ РОСТ

§ 224. Общества, как и живые существа, зачинаются из зародышей, то есть берут свое начало от таких скоплений, величина которых крайне ничтожна по сравнению с той, которой они достигают впоследствии. Никто не решится оспаривать тот факт, что самые большие общества возникли вначале из небольшой кочующей орды. Орудия и утварь доисторических народов оказываются более грубыми, чем даже те, которые употребляются нынешними дикарями, что указывает на отсутствие у них тех искусств, которые одни только делают возможными обширные скопления людей. Некоторые религиозные обряды, сохранившиеся в культах древних исторических рас с незапамятных времен, указывают на тот период цивилизации, когда прародители этих рас употребляли кремневые ножи и добывали огонь из дерева посредством трения и потому должны были жить маленькими группами, которые одни только могут существовать до появления земледелия.

Смысл всех этих фактов тот, что процесс интеграции, прямой и косвенной, породил в течение времени такие общественные агрегаты, которые по своей обширности превосходят в миллионы раз те мелкие общественные агрегаты, которые одни только существовали в самые отдаленные времена человеческой истории. Итак, рост общества по его постепенности напоминает нам рост живых существ.

§ 225. Эта черта надорганического развития сходствует с соответствующей ей чертой органического развития еще с той стороны, что в обоих случаях агрегаты различных классов обнаруживают явление роста в чрезвычайно различной степени.

Бросив взгляд на всю совокупность животных типов, мы видим, что члены обширного класса Ргоюгоа редко вырастают за пределы того

микроскопического объема, с которого начинает свое развитие всякое высшее животное. У многочисленных и разнообразных *Coeloplegala* величина тела колеблется между размерами маленькой гидры и большой медузы. У кольчатых и мягкотелых контраст между самыми крупными и самыми мелкими их представителями может быть назван громадным. Точно так же и позвоночные, будучи в среднем выводе крупнее остальных классов, обнаруживают огромные различия между отдельными своими членами со стороны достигаемых ими размеров.

Подобные же различия со стороны роста поражают нас и при обозрении всей совокупности людских обществ. Многие области земного шара представляют нам мелкие, рассеянные орды — эти выжившие донныне образчики первобытного общественного типа. Так, мы имеем туг лесных веддахов, живущих иной раз одиночными парами и только изредка сбивающихся в небольшие группы; далее мы имеем бушменов, блуждающих по своим пустыням отдельными семьями и лишь случайно образующих более крупные группы: затем мы имеем огнеземельцев, живущих по дюжине вместе или редко человек по двадцати. У австралийцев, тасманийцев и андаманцев число членов в отдельном племени колеблется, быть может, между двадцатью и пятьюдесятью. Такое же ограничение численности племени этими первобытными размерами встречаем мы у эскимосов, где обитаемая страна оказывается чересчур негостеприимной для человека; у индейцев из племени диггер, где размножению мешает слишком слабое развитие житейских искусств, и у некоторых из горных племен Индии, каковы джуанги, где дальнейший общественный рост встречает себе помеху со стороны соседних, более высоких рас. Но там, где плодородная почва доставляет много пищи, и там, где более оседлая жизнь, порождая земледелие, опять-таки увеличивает запас пищи, мы находим более обширные общественные агрегаты, например на островах Полинезии и во многих областях Африки. Тут местами сотня или две, местами несколько тысяч, а местами и много тысяч людей удерживаются вместе и составляют более или менее плотную массу. И, наконец, в наиболее высоких обществах вместо отчасти сплоченных тысяч мы имеем вполне сплоченные миллионы.

§ 226. Рост индивидуального организма и рост общественного организма сходны между собою еще в другом отношении. В каждом из этих случаев увеличение размера совершается с помощью двух

процессов, которые имеют место иной раз порознь, а иной раз вместе. Возрастание размера может совершаться или путем простого умножения единиц, ведущего к увеличению группы, или путем слияния между собою уже сложившихся групп, причем получившиеся таким образом группы групп могут снова сливаться между собою. Параллелизм первого способа для обоих случаев слишком прост, чтобы нуждаться в пояснениях; но второй способ должен быть пояснен фактами, в которых он обнаруживается.

Органическая интеграция была уже подробно рассмотрена в «*Основаниях биологии*» (§ 180—211), но здесь мы должны снова припомнить ее вкратце, чтобы сделать наше сравнение понятным. Прежде всего взглянем на органическую группировку первой, второй и следующих степеней, обнаруживающуюся в растительном царстве, так как здесь она может быть прослежена с большей легкостью. Растения самых низших порядков представляют просто крошечные клеточки, неисчислимые мириады которых то окрашивают собою стоячие воды, то образуют зеленые пленки, одевающие различные сырые поверхности. Путем слияния таких клеточек образуются маленькие, нежные нити, кружки, шарики и пр., равно как и бесформенные или же пластинчатые массы. Когда такая пластинчатая масса не представляет почти никакой дифференциации, как у морской водоросли, она называется ростцем, или слоевищем (Balli\$), когда же она представляет кое-какие признаки внутреннего строения, как у некоторых вышестоящих тайнобрачных, она называется листовищем, или вайею (Ггопс!); но и в том и в другом случае эта масса представляет обширную, но простую группу одноклеточных протопитов, упомянутых нами с самого начала. Такие листовища опять-таки соединяются между собою у некоторых низших тайнобрачных лишь временным образом, у высших же — в совершенно постоянные группы, причем появляется ряд листовых поверхностей, соединенных между собою ползучим стеблем. Отсюда является потом явнобрачная ось, то есть побег с его листовыми органами или просто листьями. Другими словами, тут является теперь уже группа групп, имеющая постоянный характер. Затем, когда из этой оси разовьются побочные оси, а из них опять ветви, веточки и т. д., то мы получим ряд сложных органических группировок все более и более высоких степеней. В животном царстве происходит то же самое, только в менее правильной и более скрытой форме. Самое маленькое

животное, как и самое маленькое растение, есть крошечная группа живых молекул или физиологических единиц. Эти самые маленькие животные сливаются в новые группы, представляющие много различных форм и ступеней. В некоторых случаях, как, например, у сложных *VoгИсеИае* и у губок, их индивидуальности почти не маскируются индивидуальностью составяемого ими агрегата, но с прогрессивным развитием сложного агрегата индивидуальности составляющих его агрегатов становятся менее и менее ясными. Так, например, хотя в некоторых *Coelenlega(a* они и удерживают еще значительную самостоятельность, что можно видеть из того, что, будучи отделены от составяемого ими агрегата, они движутся на манер амёб, однако уже и здесь их индивидуальности поглощаются в очень значительной мере индивидуальностью составяемого ими агрегата, как в этом можно убедиться на примере обыкновенной гидры. Из совокупности этих вторичных агрегатов возникают подобным же образом третичные агрегаты. Различные формы и фазисы этого процесса могут быть наблюдаемы на многочисленных типах порядка *Coelen(ega(a*. Здесь мы имеем ветвистую гидроиду, в которой отдельные полипы сохраняют каждый свою индивидуальность, общий же полипник служит только для удерживания их всех вместе; затем тут имеются такие формы, как *VeIella*, в которой составляющие ее полипы до такой степени изменены и слиты друг с другом, что их индивидуальность долго ускользала от взора наблюдателей. Между *MoИизсоШа* мы имеем и слабо связанные третичные агрегаты — в отряде *δalpШае*, и тесно сплоченные третичные агрегаты — в отряде *VolzylIШае*, где эта сплоченность третичного агрегата почти совершенно затемняет индивидуальности составляющих его вторичных агрегатов. То же самое видим мы и у некоторых кольчатых типов (*AnnuloMa*) и, как я старался доказать, у всех вообще *АппиЪза* («Основания биологии», § 205).

Общественный рост совершается путем подобного же слияния общественных групп разных степеней. Первичная общественная группа, подобно первичной группе физиологических единиц, с которой начинается органическое развитие, никогда не достигает сколько-нибудь значительного размера путем простого разрастания. Рассматривая такие крайние примеры, как те, что доставляются нам огнеземельцами, у которых скудность запасов естественной пищи, достигаемой им их суровым обиталищем, не позволяет жить в одном

месте более чем двадцати человекам или около того; или андаманцами, принужденными ограничиваться узкой береговой полосой, запертой сзади непроницаемой лесной чащей, где сорок человек есть наибольшее число, могущее найти себе достаточно добычи, не удаляясь слишком далеко от своих временных жилищ; или бушменами, блуждающими по голым пустыням, где могут существовать только самые маленькие орды и где даже отдельная семья «бывает вынуждена иной раз разойтись в разные стороны, ибо одно и то же место не может доставить ее членам такого количества пищи, которого хватило бы на пропитание всех», мы видим, что во всех этих случаях каждая простая группа наталкивается при своем разрастании на некоторые неизбежные пределы, перейдя которые, она бывает вынуждена отделить и отослать от себя образовавшийся избыток, который складывается в новую маленькую группу, подобную первоначальной. Даже в довольно плодородных обиталищах общественные группы по истечении некоторого времени бывают вынуждены к подобному же распадению на части. Увеличиваясь в своей численности, первобытное племя распространяется все шире и шире и под конец разливается так широко, что различные его части теряют взаимную связь и распадаются на независимые группы, которые, с превращением их постоянно расходящихся диалектов в различные языки, превращаются сами в различные племена. Часто за этим не следует ничего другого, кроме повторения того же процесса. Взаимные столкновения племен, уменьшение и вымирание одних, разрастание и самопроизвольное разделение других продолжают тянуться из века в век бесконечной чередой. Образование более крупного общества происходит только путем комбинации этих более мелких обществ, причем разделения, вызванные прежними распадами, не стираются вследствие этого процесса. Процесс этот может быть наблюдаем еще и теперь на различных своих ступенях у многих нецивилизованных рас, где он происходит так, как он происходил когда-то у предков рас цивилизованных. Вместо абсолютной независимости мелких орд, наблюдаемой нами у самых низших из диких рас, мы находим у дикарей, подвинувшихся уже несколько по пути развития, присутствие некоторой, хотя и слабой, связи между их несколько более крупными ордами. В Северной Америке каждое из трех больших племен команчей состоит из многих банд, связанных между собою с помощью лишь тех слабых уз, которые

вытекают из личного характера великого вождя. Племя дакотов также состоит из семи главных банд, распадающихся каждая на несколько меньших, общее число которых, по свидетельству Кэтлина, простирается до сорока двух; подобным же образом пять ирокезских народцев распадаются каждый на восемь племен. При благоприятных условиях из этих слабо связанных между собою первоначальных групп возникают союзы более тесного свойства, но такие союзы лишь очень редко получают постоянный характер. Самая обыкновенная форма этого процесса изображена Масоном в его описании каренов: «Каждая деревня, с ее бедными владениями, есть независимое государство, и каждый вождь есть самостоятельный государь; но от времени до времени появляется между ними маленький Наполеон, который подчиняет себе королевство и основывает империю. Однако такие династии не переживают своего основателя». Подобное же мы видим и в Африке. Ливингстон говорит: «Прежде все маганджи состояли под управлением своего великого вождя Унди... но по смерти Унди королевство его распалось на части... Такое распадение составляет с незапамятных времен неизбежную судьбу всякой африканской империи». Только случайно возникают сложные общественные агрегаты, выдерживающие такую связь в продолжение значительного периода времени, каково, например, королевство дагомейское, или королевство ашантиев, которое представляет «собрание мелких государств, обязанных чем-то вроде феодального подчинения одному общему государю». В истории Мадагаскара и разных полинезийских островов мы также видим беспрестанно такие сложные общественные группы временного характера, причем в некоторых случаях из них слагаются под конец постоянные группы. Вымершие цивилизованные расы в древнейшие времена своей истории прошли через такие же ступени. По словам Масперо, Египет «в самом начале был населен большим числом племен, которые потом стали слагаться одновременно в различных его пунктах в маленькие, независимые государства, имевшие каждое свое собственное законодательство и свой собственный культ». Первыми сложными общественными группами, возникшими между греками, были те маленькие группы, которые явились вследствие покорения более слабых городов их более сильными соседями. А в Северной Европе во время ее языческого периода образчиками этой второй ступени агрегации были многочисленные германские племена с их кантональными

подразделениями внутри каждого отдельного племени. Когда такие сложные общества достаточно сплотятся, повторение того же самого процесса, но в еще более широких размерах, приводит к образованию обществ двойной сложности, которые обыкновенно обнаруживают лишь весьма слабую внутреннюю связь, но в некоторых случаях становятся вполне связными и прочными агрегатами. Масперо говорит, что те мелкие государства, из которых состоял в древности Египет и которые произошли путем интеграции населявших его племен, слились впоследствии в два больших княжества — Верхний Египет и Нижний Египет, а эти последние слились в свою очередь в одно большое государство, причем прежние мелкие государства стали его провинциями. Хвалебные летописи месопотамских царей также повествуют о подобном соединении воедино прежних независимых союзов. Также и в Греции та интеграция, которая была вначале лишь местной, начала впоследствии стягивать все прежние маленькие общества в две большие конфедерации. Во времена римской истории многие племена сливались в федерации ввиду оборонительных целей; с течением времени эти федерации приобрели значительную прочность, а еще позже вошли сами в состав еще более обширных агрегатов. То же самое происходило и в Северной Европе как до, так и после христианской эры. После того, за периодом неопределенных и изменчивых комбинаций, наступило в позднейшие времена слияние мелких феодальных областей в провинции, а этих последних — в королевства, как это мы можем видеть, например, из истории Франции.

Так что и в органическом, и в надорганическом росте мы видим один и тот же процесс сложения или слияния, восходящий последовательно все выше и выше. В обоих случаях, за некоторой консолидацией самых мелких агрегатов, идет процесс образования более крупных агрегатов путем соединения первых в одну общую группу; и в обоих случаях повторение этого процесса превращает вторичные агрегаты в третичные.

§ 227. Органический рост и рост надорганический представляют еще одну аналогию. Выше мы уже сказали, что разрастание путем умножения числа индивидов в группе и разрастание путем слияния в одно нескольких отдельных групп могут иметь место одновременно; и действительно, такое одновременное разрастание этими двумя путями наблюдается в обоих сравниваемых нами случаях.

Первоначальные группы в животном и общественном мире не только незначительны по своим размерам, но и неплотны. Существа низших типов занимают очень много пространства сравнительно с количеством содержащегося в них животного вещества; точно так же и общества низших типов распростираются на обширные пространства, сравнительно с числом составляющих их индивидов. Но как в животном мире интеграция проявляется столько же в концентрации, как и в объеме, так точно и общественная интеграция, являющаяся результатом слияния отдельных групп, дополняется процессом умножения числа индивидов в каждой группе. Если мы сравним редкую населенность областей, обитаемых дикими племенами, с массой людей в европейских областях таких же размеров, или если мы сравним густоту населения Англии во время гептархии с нынешней густотой ее населения, то увидим, что, кроме того разрастания, которое вытекло из слияния отдельных групп, здесь постоянно шло еще разрастание путем заполнения свободных промежутков. Высшее животное не только больше низшего, но и плотнее его; но тот же самый результат получается и из сравнения высшего общества с низшим.

Итак, общественный рост, подобно росту живого существа, обнаруживает перед нами основную черту развития (эволюции) с двух ее сторон. И в том и в другом интеграция обнаруживается двояким образом: в достижении более объемистой массы и прогрессивном приближении этой массы к той сплоченности (coherence), которая обуславливается тесным сближением ее частей.

Впрочем, справедливость требует прибавить, что существует такой способ общественного роста, который не находит себе аналогии в органическом росте, — это рост путем миграции, или перехода единиц из одного общества в другое. У многих первобытных групп и у немногих развитых фактор этот имеет немалое значение, но вообще влияние его столь ничтожно по сравнению с влиянием роста путем умножения населения и путем слияния прежних независимых групп, что он не изменяет в сколько-нибудь заметной степени рассматриваемой нами аналогии.

(Продолжение следует).